

В. А. ОБОРИН

(Пермь)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ

За 14 лет после I-го Уральского Археологического совещания проделана большая работа по изучению археологических памятников Верхнего и Среднего Прикамья всех эпох, в том числе и железного века. Результаты предшествующих исследований по всему железнному веку были обобщены в крупных монографических работах (Талицкая, 1952; А. П. Смирнов, 1952). Кроме того, были опубликованы монографии и по отдельным периодам железного века (Збруева, 1952; Талицкий, 1951).

Значительно расширились разведочные и раскопочные работы, усилилась регулярная публикация материалов, были созданы первые обобщающие труды, подводящие итоги новых исследований (Бадер и Оборин, 1958; Генинг, 1959).

Особенно быстро шло за последние годы изучение памятников в зонах затопления крупных новостроек — Камской и Воткинской ГЭС. В результате проведенных исследований увеличилось число открытых и раскопанных памятников по всем культурам железного века.

В Верхнем Прикамье были обнаружены 16 новых памятников ананьинской культуры (проведены раскопки на двух — Скородумском селище и могильнике площадью 1058 кв. м.); 3 новых памятника гляденовской культуры; 51 памятник ломоватовской культуры (на 14 из которых проведены раскопки и вскрыта площадь более 11000 кв. м.); 28 памятников родановской культуры (на 17 из них были произведены раскопки, где только на поселениях было вскрыто около 4000 кв. м.) и 6 памятников сылвинской культуры (на двух произведены небольшие раскопки). Кроме того, начаты раскопки двух русских поселений — Орле-городка и Троицкого городища в г. Чердыни. Только на Орле-городке было вскрыто 4084 кв. м. Еще интенсивнее шло изучение Среднего Прикамья, бывшего по существу «белым пятном» на археологической карте. Здесь было обнаружено 56 новых памятников ананьинской культуры (на 25 из них были произведены раскопки площадью в 12164 кв. м.); 29 памятников гляденовской культуры (на 12 проведены раскопки и вскрыто около 4000 кв. м.); 28 памятников ломоватовского времени (на 10 велись раскопки и вскрыто 2206 кв. м.). В этом же районе впервые выявлено 3 памятника позднего железного века (IX—XV вв.), на кото-

рых проведены рекогносцировочные раскопки и начаты раскопки двух русских поселений XVI—XVII вв. (Ново-Никольская слобода и Очёрский острожек).

Гораздо слабее исследована северная часть Верхнего Прикамья. После 1947 г. здесь было проведено 6 разведочных маршрутов, охвативших сплошным обследованием берега Камы от истоков до с. Гайны и от устья Вишеры до устья Чусовой, а также притоков Камы — среднего и нижнего течения Вишеры и Колвы, среднего течения Лупья. И. А. Лунеговым выборочно были обследованы берега р. Камы между дд. Кольчуг и Шакшер. Небольшие раскопки велись лишь на 8 памятниках.

В северных районах мы знаем пока крайне мало памятников раннего железного века (ананьинская культура — 3, гляденовская — ни одного). Известно довольно много памятников ломоватовской и родановской культур, однако небольшими раскопками изучены лишь могильники и совершенно не обследованы поселения. При современной изученности Среднего и южной части Верхнего Прикамья северная часть Верхнего Прикамья, по существу, также является «белым пятном» и требует более интенсивного изучения. Последнее тем более необходимо, что в связи с намечающимся строительством Верхнекамской ГЭС у Соликамска значительная часть археологических памятников этого района войдет в зону затопления и подтопления. Интенсификация работ в Северном Прикамье обусловлена также тем, что без тщательного изучения этого района невозможно решение важнейших проблем заселения северо-востока Европы и формирования древних племен и народностей на этой территории. Последние работы Коми филиала АН СССР показывают наличие явных этнических и культурных связей древнего населения Вычегодско-Печорского края с Прикамьем. Решить вопрос о путях, времени и характере этих связей невозможно без археологического изучения Северного Прикамья.

В последние годы в Верхнем и Среднем Прикамье был выявлен ряд новых археологических культур железного века. Каждая из культур увязывалась с определенной этнической группой, проживавшей на данной территории значительный промежуток времени. В этом можно видеть прогресс в изучении древней истории Урала, так как вопросы происхождения современных народов встали на более конкретную почву.

Однако при выделении новых культур на основе «этнического принципа» возникают и значительные трудности. Не все, даже одновременные культуры, соответствуют по территории, происхождению и численности этнической группировки. Так, для раннего железного века Прикамья характерна ананьинская культура с ее шестью или семью вариантами и лишь некоторые исследователи (Юсупов, 1959, стр. 86) считают ее кара-абызский вариант особой «уфимской» культурой.

Для послеананьинского времени вначале были выделены две культуры: пьяноборская и гляденовская, затем — осинская (Генинг, 1959, стр. 194), причем, по мнению одних исследователей

(Генинг, 1959, стр. 175), судьба ананьинского населения на Вятке, Нижней Каме и Ветлуге остается неясной, по мнению других (А. Смирнов, 1961, стр. 96), Вятка в послепьяноборское время входила в область пьяноборской культуры. Не вдаваясь в существо этого спорного вопроса, остановимся лишь на сравнении осинской и гляденовской культур. Самые северные памятники гляденовской культуры в Прикамье известны в бассейне р. Косъвы, самые южные — в бассейне р. Очер, то есть на территории протяженностью не менее чем в 150 км. Однако при дальнейших работах в Северном Прикамье типично гляденовские памятники могут быть обнаружены и севернее, так как в бассейне р. Вытегры обнаружено несколько памятников с керамикой, орнаментированной резными и шнуровыми узорами, типичными для Гляденовского костыща и гляденовского слоя Скордумского селища — селища Озьяг II и III, Ягкодж II, Ягкоджды (Буров, 1960 а, стр. 107, рис. 7, стр. 113, рис. 13).

Так называемая «осинская» культура занимает очень компактную территорию по р. Тулве и ее притокам, имея протяженность не более 40 км. Расстояние между южными памятниками гляденовской и северными памятниками осинской культуры не превышает 50—60 км. Обе эти культуры складываются на основе верхнекамского и среднекамского вариантов ананьинской культуры. При некоторых различиях в орнаментациях и формах керамики, устройстве очагов и жилищ, они имеют в материальной культуре гораздо больше сходных черт между собой, чем с пьяноборской культурой. Это сходство проявляется, во-первых, в орнаментации посуды. Значительный процент составляет резной орнамент — 38% в Осинском городище и 63% в Гляденовском костыще, при наличии только 2% его в пьяноборском городище Чеганда I; примерно одинаковый процент — ямочный и шнуровой орнамент. Во-вторых, это сходство проявляется в форме сосудов: значительный по сравнению с пьяноборской культурой процент сосудов в виде низких открытых чаш.

Все эти данные свидетельствуют о том, что осинская культура, очевидно, является вариантом гляденовской культуры, принадлежащей к одной племенной группе гляденовского союза племен. В этот союз, кроме Пермско-Мулянской племенной группы, где обнаружено уже 12 поселений и два костыща, входили также Очерская племенная группа (пока известно 2 поселения и два костыща), Обвинско-Гаревская и Косъвинская племенные группы. В последние два года обнаружено также несколько памятников гляденовского типа в Частинском районе (Махонинское городище). Эти памятники имеют своеобразные черты в орнаментации керамики (большинство неорнаментировано или украшено редкими ямками). Но по форме сосудов и остальному вещевому материалу (наконечники стрел, пряслица), а также по устройству очагов эта группа относится к новому варианту гляденовской культуры.

Таким образом, на территории гляденовской культуры можно выделить 6 компактных групп памятников, расположенных, как

правило, на одном из притоков Камы и оставленных древними племенами Гляденовского союза. При изучении северных районов Прикамья число этих племенных вариантов, несомненно, увеличится.

Общие черты материальной культуры говорят об этнической близости создателей всех вариантов гляденовской культуры. У археологов и лингвистов установилась уже единая точка зрения на то, что племена ананьинской культуры говорили на пермских языках финно-угорской языковой общности, что нашло подтверждение и в последних работах по топонимике Урала (Матвеев, 1961). В племенах гляденовской культуры, обособившихся в процессе развития племен верхнекамского и среднекамского вариантов ананьинской культуры, очевидно, можно видеть процесс начала консолидации племен, говоривших на общекоми языке (Лыткин, 1955, стр. 7). Вторжение степных скотоводческих племен в III в. н. э. вызвало передвижку гляденовских племен к северу, и отдельные гляденовские памятники появляются даже в Вычегодском крае. С этого времени, очевидно, усиливается, проходивший спорадически еще в период ананьинской культуры приток на Вычегду камских переселенцев, вошедших затем в состав коми (зырян). Возможно также, что одно из гляденовских племен передвинулось не на север, а на запад — в бассейн р. Чепцы, где вошло затем в состав формирующегося удмуртского союза племен. Это передвижение В. Ф. Генинг прослеживает на примере осинского варианта гляденовской культуры (Генинг, 1959, стр. 198—200), что подтверждается и последними исследованиями памятников поломской культуры на Чепце (Кондратьева и Стоянов, 1961). Однако, следует отметить, что осинское племя, передвинувшееся на Чепцу, уже успело воспринять некоторые черты материальной культуры вторгшихся в Прикамье скотоводческих племен, поэтому харинские черты в ранних памятниках поломской культуры нельзя объяснить только конвергентным развитием их на Чепце. Кроме того, вероятно, осинское племя, хотя и послужило основой для формирования удмуртских племен, но было далеко не единственным. Необходимо продолжить поиски памятников среднего железного века в бассейне р. Вятки. Целый ряд черт преемственности материальной культуры пьяноборских племен в чепецкой культуре древних удмуртов IX—XV веков и новые антропологические данные по пьяноборским и полемским могильникам Удмуртии (Акимова, 1961) не позволяют снять вопрос об участии потомков племен пьяноборской культуры в этногенезе удмуртов.

На примере осинской и гляденовской культур мы хотели показать, что при выделении новых культур исследователи должны быть максимально осторожны и четко определять, какое этническое содержание вкладывается в них. Иначе «микрочультур» будет выделено столько, что даже специалист-археолог не сможет запомнить не только их характерные черты и границы, но и даже названия» (Формозов, 1959, стр. 8). Правильнее будет вслед за этнографами выделять «историко-этнографические области» или

«культурные области» (Формозов, 1959, стр. 23). В Прикамье для железного века такой, очевидно, будет ананьинская культурная область, состоящая из территорий нескольких союзов племен — общих предков коми и удмуртов. Ее локальные разновидности целесообразнее называть «вариантами» в тех случаях, если их происхождение от родственных племен эпохи бронзы не подлежит сомнению. Так, нет необходимости называть «культурами» верхнекамский и среднекамский варианты ананьинской культуры, так как племена, оставившие характерные для них памятники, бесспорно родственны по происхождению, языку и имеют много общего в материальной культуре. Впрочем, возможно, что в будущем появится необходимость выделить в качестве особой культуры ее кара-абызский вариант (ананьинской культурной области), отличающийся от остальных вариантов по происхождению и, возможно, по языку.

Для послепермского времени целесообразно сохранить название археологических культур для больших этнических общностей, отличающихся довольно резким различием в материальной культуре и образовавшихся в результате консолидации ананьинских племен, приведшей, возможно, и к языковому обособлению. К их числу пока можно отнести только гляденовскую и пьяноборскую культуры. Различающиеся внутри территорий этих культур группы археологических памятников с некоторым своеобразием материальной культуры лучше называть вариантами, чтобы не потерять представления об их этнической близости.

Для среднего и позднего железного века возможно сохранение термина «ломоватовская культура», но только на территории ее верхнекамского варианта, вырастающего на базе гляденовской культуры и являющегося основой для формирования родановской культуры (IX—XV вв.) предков коми-пермяков. Для памятников ломоватовской культуры на левобережье Камы и на Сылве, возникающих в результате ассимиляции пришлыми скотоводческими племенами местного гляденовского населения, то есть отличающегося этнически от верхнекамских памятников, целесообразно ввести новый термин, например, «неволинская культура» (по названию наиболее изученного и характерного памятника). На базе неволинской культуры происходит в основном формирование сывинской культуры IX—XV вв. — предков манси.

Трудно пока говорить о недостаточно выявленных культурах III—VIII вв. в Среднем и Нижнем Прикамье. Однако по имеющимся данным кажется более целесообразным считать мазунинскую культуру вариантом бахмутинской, так как в основных чертах материальной культуры их памятники имеют очень большое сходство. Видимо, эти культуры родственны по происхождению и имеют отношение к этногенезу венгров и башкир.

Вопросы выделения новых культур и вариантов требуют специального обсуждения по крупным периодам железного века на будущих Уральских Археологических совещаниях. Так, в ближайшее время целесообразно рассмотреть вопрос о происхожде-

нии и локальных вариантах наиболее изученной ананьинской культурной области.

Другим общим вопросом изучения древней истории племен железного века Урала и в частности Верхнего и Среднего Прикамья является вопрос об определении уровня развития общественного строя их племен по археологическим данным. Здесь также есть немало спорного, например, вопрос о первобытной соседской общине. В. Ф. Генинг относит начало периода первобытной соседской общины для всего Прикамья к III в. н. э. и с этого же времени считает возможным называть этот период также «средневековым» (Генинг, 1959, стр. 182). Обычно к средневековью в исторической литературе относится период формирования и развития феодальных отношений, но говорить о начале формирования феодализма в Прикамье в III в. у нас нет никаких оснований. Для начала II тыс. н. э. тот же автор считает возможным употреблять термин «сельская поземельная община» (Генинг, 1959, стр. 210), указывая при этом, что она получает свое полное развитие уже в эпоху феодализма. Естественно видеть за разницей в терминах разные этапы развития общественного строя. К. Маркс в письме к В. Засулич¹ говорит о первобытной соседской общине, где передел пахотной земли ведется между родами и племенами, а не между индивидуальными семьями общины, и ее хозяйство ведется группами, сообща. На почве этой общины более древнего типа, где кровное родство еще сохраняется, создается «новая» или «сельская община», где кровное родство уже не связывает общинников, «дом и его придаток — двор» отходят в собственность землевладельцу, а пахотная земля как неотчуждаемая и общая собственность периодически делится между членами общины, и где, таким образом, каждый обрабатывает отведенное ему поле и урожай присваивает себе в собственность. Только с этой «сельской общиной» К. Маркс связывает вопрос о переходном состоянии от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Поэтому только с таким типом общины можно связывать переход к средневековью, т. е. к началу сложения феодализма. Появление такой общины мы можем отнести не ранее, как к началу II тыс. н. э., когда в нескольких культурах (чепецкая, родановская, сывинская) находим небольшие жилища, которые могли быть местом обитания малых семей и вместе с двором составлять собственность землевладельца. В могильниках этого времени наблюдается постепенное нарушение рядового принципа захоронения, характерного для родовых могильников. Как этот, так и другие признаки (постепенная утрата орнаментаций узкородового и племенного распространения, замена культовых изображений узкородового родового назначения изображениями, имевшими общее для всей народности значение и др.) говорят об ослаблении кровных связей и замене их территориальными. Переход к сельской общине возможен лишь на основе более высокого развития про-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. т. XXVII, 1935, стр. 624.

изводительных сил, базирующихся на пашенном земледелии. Однако переход земледельческих народов Прикамья к широкому использованию пашенных орудий также нельзя отнести ранее чем к X—XII вв. н. э. «Дом и его придаток — двор» становятся собственностью земледельца только в период сельской общины, а по памятникам ломоватовской культуры (Зродятское селище) восстанавливается только поселок первобытной соседской общины, где дома находятся в общей собственности коллектива большой патриархальной семьи. При сохранении между такими семьями родственных связей в поселениях типа Зродятского селища (Генинг, 1959, стр. 191—193), по существу, правомернее видеть не поселок целой соседской общины, а только патронимии небольшой группы родственных патриархальных семей, образующих единый хозяйственный коллектив (Косвен, 1953, стр. 122). Однако очевидной резкой грани между патронимией и первобытной соседской общиной нет. Несколько домохозяйств, принадлежащих одному роду, патриархальные семьи, входящие в патронимии и не входящие в них, образуют первобытную соседскую общину (Першиц, 1960, стр. 166).

Таким образом, вопрос о первобытной соседской общине и о сельской общине древнего населения Прикамья также нужно исследовать более подробно на конкретном материале.

Остановимся теперь кратко на основных итогах исследования отдельных культур железного века Верхнего и Среднего Прикамья, а также задачах их изучения, сохранив пока старую, уже сложившуюся терминологию.

Значительный вклад в последние годы был внесен в изучение памятников *ананьинской культуры* (VIII—III вв. до н. э.). Основная часть памятников этой культуры в Верхнем Прикамье сосредоточивается в бассейнах рр. Чусовой и Сылвы (28), и остальные (18) — на Верхней Каме и ее притоках. В Среднем Прикамье в настоящее время известно 66 памятников, которые группируются в 4 районах, являющихся, видимо, территориями древних племен: Мулянская группа (26), Оханская (12), Осинско-Частинская (11) и Еловская (17). Среднее Прикамье являлось наиболее густо заселенной территорией ананьинской культуры.

Всего в Верхнем и Среднем Прикамье известно 113 памятников ананьинской культуры, что резко меняет взгляд на эти районы как на периферию (Збруева) и выдвигает их в качестве основных.

Наиболее важными итогами в изучении ананьинской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье являются следующие.

1) Новая постановка вопроса о происхождении этой культуры на основе местной (ерзовской) культуры эпохи поздней бронзы, что связано с обнаружением самых ранних ананьинских памятников в районе Среднего Прикамья и прослеживанием постепенного перехода — от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (Бадер, 1953 в, 1956 а, 1960 в, Денисов, 1960 б). Ранние ананьинские памятники были обнаружены также и в Верхнем Прикамье. Выявлены новые факты участия зауральских племен гамаюнской

культуры в формировании ананьинской культуры. Район Среднего Прикамья стал рассматриваться в качестве основной территории сложения ананьинского племенного союза.

2) Расширение представления о территории ананьинской культуры (открытие самых северных памятников на р. Вишере), выявление новых типов жилищ (прямоугольные землянки на Еловском и Камский бор II селищах и наземные жилища на Заюрчимском I селище) и некоторых особенностей жертвенных мест на поселениях (Гремячанское городище). Получены новые данные о связях с Зауральем и Сибирью (находки тагарских медных фигур на Вишере и Ерзовском селище, сосудов на поддонах усть-полуйского типа на Гремячанском поселении). Выявлены исходные формы вещей, встречающихся в более поздних культурах Прикамья (находки медных фигурок лошадей на городище Алтен-Тау и Заюрчимском селище). Получены данные, отличающиеся от материалов А. В. Збруевой о соотношении городищ и селищ (примерно 1:4), а также о преобладании селищ на раннем этапе и появлении городищ не ранее конца VI в. до н. э.

3) Более четко выявлены особенности верхнекамского варианта ананьинской культуры (Бадер, 1960 в). Открыты и изучены памятники среднекамского варианта (Оборин, 1960; Шокшув, 1960) и их особенности (зольники, погребения на поселениях, ямочно-шнуровой орнамент — рис. 2—1,3). Прослежено проникновение в южные районы Среднего Прикамья с V в. до н. э. кара-абызовского варианта (Еловское селище, Калиновское городище (рис. 3—1, 3, 5).

Основными задачами в изучении памятников ананьинской культуры следует считать следующие.

1) Уточнение периодизации на основе стратиграфии поселений.

2) Продолжение работы по выявлению особенностей вариантов культуры и изучению отдельных микрорайонов — территорий племен (типа Заюрчимских поселений).

3) Публикация основного материала по раскопкам в Среднем Прикамье (прежде всего — Гремячанского поселения).

В изучении памятников *гляденовской культуры* (II в. до н. э. — III в. н. э.) также сделаны значительные шаги. В Верхнем Прикамье теперь известно 15 памятников, которые находятся в районе между р. Чусовой и р. Обвой. В Среднем Прикамье зафиксировано 35 памятников, сосредоточенных почти в тех же районах, что и в ананьинское время (Мулянская группа — 13, Оханская — 4, Осинско-Частинская — 18). Памятники этой культуры отсутствуют в Еловском районе, что можно объяснить ранним проникновением сюда племен кара-абызовского типа из Северной Башкирии. Всего теперь известно 50 памятников гляденовской культуры.

Основными итогами в изучении памятников этой культуры являются:

1) Решение вопроса о происхождении гляденовской культуры на базе местных вариантов ананьинской культуры, по прием-

ственности культурных слоев на поселениях (Скородумское селение, Мало-Никольские городища).

2) Выявление территории культуры (от р. Обвы на севере до с. Частых на юге), некоторых ее этнических особенностей и отличия от пьяноборской культуры (Генинг, 1959; Оборин, 1960); постановка вопроса о возможном использовании костищ как могильников с обрядом трупосожжения (Генинг и Оборин, 1960); более детальное изучение особенностей хозяйства и быта; открытие жилищ на Федотовском и Осинском городищах (Генинг, 1959); постановка вопроса об особенностях общественного строя (обособление племенных союзов в период усиления военной опасности со стороны южных соседей); выявление по керамике своеобразия вариантов гляденовской культуры — верхнекамского, осинского и частинского (Гагарское и Махонинское поселения).

3) Постановка вопроса об этнической принадлежности племен гляденовской культуры предкам коми и, может быть, части удмуртов (В. Ф. Генинг). Прослежены гляденовские традиции в более поздних культурах Верхнего Прикамья вплоть до родановской.

Основными задачами в изучении гляденовской культуры можно считать:

1) Продолжение раскопок на костищах для окончательного выяснения их назначения.

2) Выработка четкой периодизации по стратиграфии поселений.

3) Изучение одновременных памятников в Зауралье и Коми АССР и выяснение их связей с Прикамьем.

4) Публикация материала основных памятников (Федотовское городище).

Ломоватовская культура (IV—VIII вв. н. э.) до 1947 года была наиболее слабо изучена, хотя и было известно 140 памятников этой культуры, большинство из которых было представлено случайными находками (70). Небольшие раскопки велись только на могильниках (8).

В последние годы в Верхнем Прикамье обнаружены новые памятники и их сейчас насчитывают в этом районе 191. В среднем Прикамье всего теперь известен 31 памятник IV—VIII вв.

Всего известно 219 памятников этого времени, из них раскопано 24, площадью 13 210 кв. м.

Основными итогами в изучении ломоватовской культуры являются следующие.

1) Выяснение вопроса о происхождении этой культуры в результате миграции угров и смешивания их с местными племенами. Прослежено вытеснение угорскими племенами гляденовцев из района Среднего Прикамья в Верхнее Прикамье, постепенная ассимиляция пришельцев местным населением в Верхнем Прикамье, переживание гляденовских традиций — возрастание роли земледелия, сохранение костищ, обряда трупосожжения на могильниках, основных форм материальной культуры — орудий

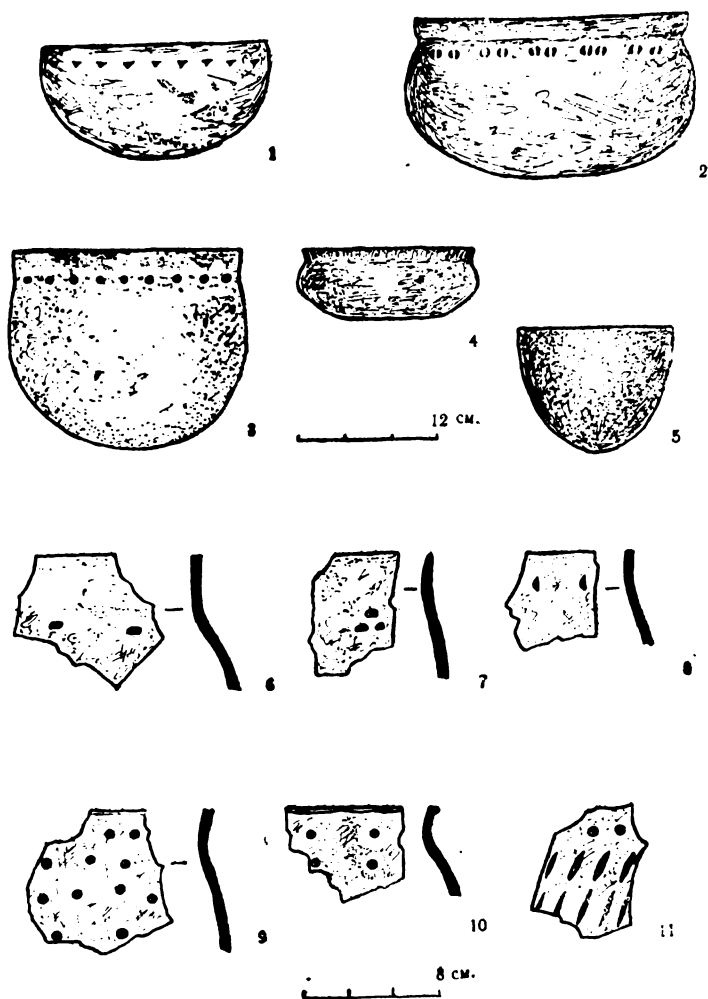

Рис. 3. 1—3, 5—керамика кара-абызского типа из нижнего слоя Калиновского городища, 4—сосуд из верхнего слоя Калиновского городища (IX—XII вв.), 6—фрагмент керамики мазунинского типа из Рождественского городища, 7—8—керамика мазунинского типа из Поздыш-кинського городища, 9—11—керамика бахмутинской культуры из Урто-линського городища Куединського району.

труда, керамики, культовых изображений, деталей костюма (Генинг, 1953, 1955, 1959 б).

2) Выявлена территория расселения ломоватовских племен, уточнена датировка, построена твердая периодизация (харинский и неволинский этапы); получены новые данные о хозяйстве; изучены жилища (Рис. 2—1; Генинг, 1959); по раскошкам могильников сделаны реконструкции костюма; получены новые данные об общественном строе (возрастание роли патриархальных семей, переход к патронимии и первобытной соседской общине), о религии (раскопки Бартымского святилища. Бадер и Смирнов, 1954).

3) Намечено выявление трех вариантов культуры (верхнекамский, сылвинский и среднекамский). Обнаружены памятники новых культур в южных районах Среднего Прикамья — мазунинской (Сайгаткинский могильник, Рождественское и Поздышкинское городища. Рис. 3—6, 8) и бахмутинской (городища около Куеды. Рис. 3—9, 11). Поставлен вопрос о формировании на основе верхнекамского варианта коми-пермяцких племен, на основе сылвинского — манси и хантов, на основе среднекамского — башкирских племен. Намечена преемственность этих вариантов с поздними культурами железного века.

Основными задачами в изучении культур этого времени можно считать:

1) Продолжение выявления особенностей вариантов и новых культур, а также этнической принадлежности.

2) Изучение этнических связей с Зауральем и Башкирией для ранних памятников харинского этапа.

3) Публикация материалов раскопанных памятников (Зародатское селище, Митинский, Деменковский, Урынский могильники).

Несколько лучше обстояло дело к 1947 году с изучением памятников *родановской культуры* (IX—XV вв). Всего их насчитывается теперь 180. На 17 памятниках были произведены раскопки, в том числе на поселениях была вскрыта площадь в 5 раз большая, чем до 1947 г. Раскопано 11 могильников.

Основными итогами изучения являются:

1) Решение вопроса о местном происхождении родановской культуры на основе северного варианта ломоватовской культуры.

2) Выяснение территории культуры, этнических черт, отличий от других культур; получение новых данных о хозяйстве, жилищах, костюме, общественном строе и религии, о взаимоотношениях с русскими и болгарами; уточнение датировки культуры в целом и отдельных памятников; установление двух этапов развития — лаврятского и рождественского (Оборин, 1957).

3) Новые доказательства принадлежности этой культуры предкам коми-пермяков (особенно по обряду погребения, костюму, орнаменту и т. д.).

Задачами изучения родановской культуры можно считать:

1) Раскопки селищ.

2) Выявление племенных вариантов.

3) Публикация материала основных памятников (городище Анюшкар).

В 1951 году В. Ф. Генингом были выявлены памятники *сылвинской культуры IX—XV вв.* Основными итогами изучения этих памятников являются:

1) Установление их происхождения на базе *сылвинского* варианта ломоватовской культуры.

2) Выявление некоторых особенностей хозяйства и быта, особенностей жилищ, обряда погребения, керамики.

Первоочередными задачами изучения можно считать:

1) Постановку новых разведочных работ в *Сылвинском* районе.

2) Проведение широких раскопок уже выявленных памятников.

В работах Воткинской экспедиции на Средней Капе долгое время не удавалось обнаружить *поздние памятники железного века*. В последние годы, предположительно, к этому времени (IX—XV вв) отнесены три городища, имеющие тонкий культурный слой, специфическую керамику — неорнаментированные низкие чаши с растительной примесью в тесте (рис. 3—4) или глубокие чаши с редким ямочным орнаментом. На одном из них (Калиновское) обнаружены остатки наземного срубного жилища прямоугольной формы и небольшой площади (25 кв. м.) с глинобитным очагом, огражденным камнями, с четырехскатной (?) крышей (рис. 2—II). Необходимо продолжить поиски поздних памятников в этом районе.

После 1947 года было начато также изучение *русских памятников XVI—XVII вв.* Был выявлен комплекс материальной культуры XVI—XVII вв. (Оборин, 1957); изучены жилища, хозяйственные, производственные и оборонительные сооружения, остатки архитектурных памятников; выявлена ведущая роль столицы Русского государства — Москвы в унификации материальной культуры; установлено совместное поселение местного населения с русскими (коми-пермяки на Орле-городке) и влияние на них передовой русской культуры; выявлены ранние находки русских вещей на родановских памятниках, позволившие уточнить вопрос о проникновении русского населения в Приуралье (Оборин, 1956).

Основными задачами в изучении русских памятников являются поиски самых ранних русских поселений XIV—XV вв. в северных районах Прикамья и полная публикация материалов раскопанных памятников.